

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXII.

1888.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатеринбургскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	1
Правила о производствѣ опытаній въ физико-математической ком- мисіи по отдѣленію естественныхъ наукъ	1
А. С. Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности	1
Н. А. Астафьевъ. Опытъ исторіи Вибліи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами	50
П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы (продолженіе) .	82
В. Г. Васильевскій. Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ .	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Грефе. Новое изданіе Зосима	151
Ө. Г. Мищенко. Къ вопросу объ источникахъ и о добросовѣстности Геродота	185
О. О. Миллеръ. Опять къ вопросу о былинахъ	175
А. А. Ивановскій. Принципы жизни китайцевъ. <i>Серія Георгіев-</i> <i>ская</i> . С.-Пб. 1888.	192
— Книжныя новости	198
А. Ю. Гиршгорнъ. Какія мѣры слѣдуетъ принять въ учебныхъ заведеніяхъ относительно водяныхъ фильтровъ.	1
— Наша учебная литература (разборъ 2 книгъ)	11

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Казанской астрономической обсерваторіи.	1
— Наши учебныя заведенія: О письменныхъ работахъ на опытаніяхъ врѣлости (<i>окопчаніе</i>)	5
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	55

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. А. Фетъ. Элегія Секста Проперція. Кн. II.	85
--	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го іюля).

ДРЕВНЯЯ ТОРГОВЛЯ КИЕВА СЪ РЕГЕНСВУРТОМЪ.

Извѣстія о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ южной Руси съ Германіей, именно съ средне-дунайскими ея областями, давно обратили на себя вниманіе ученыхъ. Въ первый разъ они сопоставлены были нѣмецкимъ ученымъ Гюльманномъ въ „Исторіи городскаго быта въ средніе вѣка“¹⁾; отсюда они буквально были заимствованы Даниловичемъ въ статьѣ „О славянскихъ и преимущественно польскихъ городахъ до XIII столѣтія“²⁾; по Даниловичу повторилъ ихъ Погодинъ въ „Исслѣдованіяхъ и лекціяхъ“ (III, 261), а также въ своей „Древней Русской Исторіи“ до монгольскаго ига (II, 781). Бестужевъ-Рюминъ прямо ссылается на Даниловича (Русская Исторія, I, 251). Одинъ изъ новѣйшихъ молодыхъ изслѣдователей, занимаясь взаимными отношеніями Руси и Польши, тоже долженъ былъ говорить о проходившихъ черезъ Польшу въ Кіевъ нѣмецкихъ купцахъ, руководствуясь при этомъ Даниловичемъ³⁾. Мы думаемъ, что не лишнимъ будетъ вновь пересмотрѣть эти извѣстія — отчасти потому, что тѣ источники, на которые ссылался Гюльманнъ, доступны

---

¹⁾ *Hallmann, Städtewesen des Mittelalters. Bonn, 1825, I, 345.*

²⁾ *Даниловича, Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія. Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, томъ четвертый, книжки 2-я и 3-я (вышли вмѣстѣ). (Москва, 1841), стр. 165—299.*

³⁾ *И. Линиченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши до половинъ XIV столѣтія. Часть первая, Кіевъ, 1884, стр. 190, 191. Но авторъ пользовался при этомъ и книгою Вестужева-Рюмина, какъ показываетъ повторенная вслѣдъ за нею опечатка (Емьъ вмѣсто Енисъ). Въ Исторіи Россіи Иловайскаго говорится (I, 2, 325) объ этомъ очень кратко и безъ ссылки на источники или пособія.*

намъ въ лучшихъ, чѣмъ прежде, изданіяхъ, съ измѣненіями въ чтеніяхъ, иногда не совсѣмъ безразличными для дѣла, отчасти потому, что какъ самыя извѣстія, такъ въ особенности сказанія и документы, въ которыхъ они встрѣчаются, заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ могли это допустить Гюльманнъ и Даниловичъ, и тѣмъ болѣе—общія сочиненія по русской исторіи. Сверхъ того, намъ представляется возможность кое-что и вновь прибавить къ совокупности доселѣ собранныхъ по вопросу данныхъ. Мы, впрочемъ, не имѣемъ притязанія на совершенную полноту или же цѣльное изслѣдованіе о древней русской торговлѣ—хотя бы даже въ одномъ вышеозначенномъ направленіи, и должны признаться, что сообщаемъ только то, что собрано нами случайно и по дорогѣ, при такихъ; занятіяхъ, которыя собственно не имѣли въ виду русской исторіи.

Слишкомъ далеко въ глубь вѣковъ мы не намѣрены заходить. Однако, намъ никакъ нельзя миновать знаменитаго—съ точки зрѣнія исторіи нѣмецкой торговли и вообще культуры—раффельштеттенскаго таможеннаго или мытнаго устава (*Leges portorii*) и особенно упоминаемыхъ въ немъ Руговъ. Если подъ этими Ругами будемъ разумѣть Русскихъ, какъ думаютъ многіе весьма авторитетные ученые, то можно будетъ говорить о русской торговлѣ съ Австріей во времена Олега и даже нѣсколько ранѣе того. Раффельштеттенскій уставъ данъ для такъ-называемой Восточной марки (*Oriens, Orientalis plaga*, нѣсколько позднѣе—*Marchia orientalis, Partes orientales*), въ которой именно подобаетъ видѣть прародительницу позднѣйшаго Австрійскаго герцогства; онъ составленъ въ самомъ началѣ IX вѣка съ ссылками на порядки, существовавшіе ранѣе 876 года. Восточная марка или, иваче, Баварская украинна (*terminus regni Bojorum in Oriente*), какъ извѣстно, была образована Карломъ Великимъ послѣ разгрома Аварскаго царства, внутри котораго преобладающую массу населенія составляли подвластные кагану славяне, успѣвшіе занять древнюю Паннонію, Норикъ и отчасти нижнюю Баварію. Подъ эгидою Франкской державы началось противоположное встрѣчное движеніе нѣмецкой колонизаціи, направлявшееся преимущественно изъ сосѣдней Баваріи, предъ которымъ славянство все болѣе и болѣе отступало назадъ, не находя себѣ достаточной опоры ни въ Моравскомъ, ни въ возникающемъ Чешскомъ государствѣ. Нѣмецкому движенію, въ свою очередь, поставленъ былъ предѣлъ мадьярскимъ нашествіемъ и послѣдовавшимъ мадьярскимъ погромомъ, подъ тяжестью котораго пала прежде всего славянская Моравская

держава, а затѣмъ исчезла на время и самая Восточная марка. Нашъ документъ изданъ, приблизительно, въ 903 или 904 году (другіе обозначаютъ его 905 или 906 годами), такъ какъ въ немъ предполагается Велико-Моравское царство еще существующимъ, а время его окончательнаго разрушенія, хотя и не можетъ быть опредѣлено съ совершенною точностью, но во всякомъ случаѣ предшествовало большимъ набѣгамъ мадьяръ на Саксонію и Тюрингію (906 г.), а также страшному пораженію нѣмцевъ съ Баварскимъ маркграфомъ во главѣ въ 907 году. Такимъ образомъ онъ появился, можно сказать, на каунтѣ бѣдственаго для Германіи событія; въ составленіи его принимали участіе лица, положившія чрезъ нѣсколько лѣтъ снуста свою жизнь въ борьбѣ съ нахлынушею ордою, какъ, напримѣръ, архіепископъ Зальцбургскій Титмаръ, а съ другой стороны—лица, хорошо извѣстныя по своему вмѣлательству въ фамиліальные раздоры и междоусобія послѣднихъ моравскихъ князей, именно самого Святополка, какъ маркграфъ Арибонъ.

Содержаніе раффельштеттскаго мытнаго устава слѣдующее. Мы передаемъ его какъ возможно ближе къ тексту подлинника и затѣмъ присоединяемъ необходимыя замѣчанія¹⁾. При этомъ статьи, имѣющія специальное отношеніе къ торговлѣ солью, мы отмѣчаемъ особымъ знакомъ, такъ какъ они иногда явнымъ образомъ прерываютъ связь изложенія.

Во введеніи говорится, что до короля (императора) Людовика, подъ которымъ разумѣется Людовикъ Дитя (900—911 гг.), достигли всеобщія жалобы и даже воля жителей Баваріи, епископовъ, аббатовъ и всѣхъ, кто имѣлъ сношенія съ Восточною маркою, на несправедливые поборы и пошлины, какіе на нихъ тамъ налагали. Король, по обычаю предковъ, благосклонно выслушавъ эти жалобы, приказалъ графу Восточной марки Арибону, носившему это званіе отъ 876 по 906 годъ, чтобы онъ съ мѣстными властями и лучшими свѣдущими людьми произвелъ должное разслѣдованіе относительно таможенныхъ порядковъ и размѣровъ мыта, прежде существовавшихъ. Согласно съ королевскимъ указаніемъ, на сеймѣ, который составилъ въ мѣстечкѣ Раффельштеттенѣ въ Траунгау (между устьями Енжи и Труны-Трауна)

¹⁾ Новѣйшее и лучшее изданіе текста Устава 903 года принадлежитъ Меркелю: *Pertz, Monumenta Germaniae. Leges, t. I, p. 480.* Отсюда перепечатано въ юридической хрестоматіи Генглера: *Gengler, Germanische Rechtsdenkmäler. Erlangen, 1875, pag. 385* и сл. Прѣжнее изданіе въ *Monumenta Boica, XXV, II,* оказывается неудовлетворительнымъ.

лучшіе люди (*nobiles*) трехъ графствъ, составлявшихъ Восточную марку, были допрошены подъ присягою; они дали свои показанія въ присутствіи Титмара (*Thietmar*), архіепископа Зальцбургскаго (875—907 гг.), Бурхардта, епископа Пассавскаго и графа Оттокара, который былъ сыномъ Арибона, указали мѣста, гдѣ взиимались таможенные пошлины, а также размѣры взимаемаго мыта, какъ все это было во времена Людовика и Карломана, то-есть, Людовика II Нѣмецкаго, умершаго въ 976 году, и Карломана, умершаго въ 980 году. На основаніи этого разслѣдованія приняты были слѣдующія положенія:

1) Суда, идущія изъ западныхъ частей внизъ по Дунаю, какъ скоро они минуютъ Пассавскій лѣсъ (*silvam Patauisam*) и захотятъ причалить въ Россдорфъ (теперь исчезнувшій городъ между Пассау и Линцемъ) или какомъ-нибудь другомъ пунктѣ, должны платить въ видѣ таможенной пошлины полдрахмы, то-есть, одинъ скоти¹⁾. Если же они не остановятся здѣсь, а спустятся ниже до Линца, то должны платить уже другую пошлину, но только въ случаѣ, если они нагружены солью; съ рабовъ и другихъ вещей не взиимается пошлины. Количество пошлины за соль — три полумѣры или три шеффеля съ каждаго судна. Уплативъ пошлину въ Линцѣ, судовозлева вольны приставать и продавать свой грузъ гдѣ угодно — до Чешскаго лѣса (*ad silvam Boemiscam*), подъ которымъ въ данномъ случаѣ разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ высокая горная область къ востоку отъ Вахау и къ западу отъ Маутерна, между Мелкомъ и Кремсомъ²⁾.

2*) Но если кто переправляетъ изъ Баваріи соль для своего собственнаго домашняго употребленія, то ничего не платитъ, — только судовщикъ (*gubernator navis*) долженъ подтвердить клятвенно о такомъ назначеніи продукта.

3) Если же какой-нибудь свободный человекъ минуетъ установленные законные рынки (*legitimum mercatum*), подъ которыми, очевидно, разумѣются именно Россдорфъ и Линцъ, ничего не заплативъ и не сдѣлавъ никакого заявленія, и это будетъ обнаружено и доказано, то онъ подвергается штрафу, именно лишается своего судна со всѣмъ товаромъ. Если же такое нарушеніе учинитъ человекъ не-свободный (*servus*), то онъ, сверхъ того, подвергается задержанію, пока не явится его господинъ и не выкупитъ его.

4) Бавары и славяне, принадлежащіе къ королевству (къ Нѣмец-

¹⁾ *Donent pro theloneo semidragmam, id est scoti I.*

²⁾ *Kämmel, Die Anfänge d. deutsch. Lebens, p. 208, 248.*

кой имперіи), вообще имѣютъ право свободнаго вѣзда въ Восточную марку и могутъ безошливно покупать гдѣ угодно жизненные припасы, а также рабовъ, лошадей или воловъ. Если имъ придется проѣзжать чрезъ вышеозначенные торговые пункты или рынки (Россдорфъ, Линцъ), то они должны держаться срединны дороги и не заниматься тутъ ни куплею, ни продажей; если же они пожелаютъ вступить на самый рынокъ, чтобы принять участіе въ торговлѣ, то уже обязаны уплатить положенную пошлину и тогда могутъ покупать чтò угодно и сколько угодно.

5*) Телеги, нагруженные солью, когда онѣ, слѣдуя большою дорогою, переходятъ рѣку Енжу (Anezis, Enns) при Урлѣ (Урль—притокъ Инса), уплачиваютъ по одному шеффелю соли съ каждой и ничего больше, то-есть, если онѣ принадлежатъ баварамъ внѣ марки. Совершенно свободны отъ мыта суда изъ Траунгау, то-есть, служація мѣстной внутренней торговлѣ.

6) Что же касается славянъ, которые приходятъ изъ Руговъ или изъ Богемовъ ради торговли, то они могутъ торговать вездѣ подлѣ дунайскаго берега, а также вездѣ въ Ретелѣ и Ридмархѣ, по обязаны платить пошлину. Если они привозятъ воскъ, то платятъ съ одного вѣска двѣ мѣры (duas massiolas) воску, цѣнностію каждая въ одинъ скоти, съ ноши одного человѣка — одну мѣру той же цѣны. Если они приводятъ рабовъ или лошадей, то платятъ съ одной рабыни по тремиссѣ (тремисса равняется четыремъ денаріямъ, $\frac{1}{2}$ серебрянаго солида, I, 19 нынѣшней марки), съ одного жеребца — столько же, съ cadaго раба — по сайгѣ и столько же съ каждой кобылы (сайга есть монета, равняющаяся одному баварскому динарію). Бавары и славяне, принадлежащіе къ Нѣмецкому королевству, могутъ въ вышеозначенныхъ пунктахъ продавать и покупать безъ всякой пошлины ¹⁾.

7*) Солиныя суда, какъ скоро они минуютъ Чешскій лѣсъ, имѣютъ полную свободу продавать, покупать или останавливаться не прежде,

¹⁾ *Slavi vero, qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt, ubicunque juxta ripam Danubii vel ubicunque in Rotalaris vel in Reodariis loca mercandi obtinuerint. Rotalaris—суть живущіе по рѣкѣ Роталѣ (Rotala) или теперешнему Ретелю (Hötel) которая, по видимому, составляла западную границу Марки, Kämnel, Die Anfänge des deutschen Lebens pag. 256, 208. Ретель впадаетъ въ Дунай противъ Линца. Reodarii жители Ридмарха (der Riedmarch), восточной четверти (Mühlviertels) въ Верхней Австріи, а не мѣстечка Ридъ, какъ думали нынѣ. Kämnel, pag. 287.*

чѣмъ достигнуть Еберезбурга (теперь не существующее поселеніе — неподалеку отъ Линца, къ западу отъ Маутерна). Здѣсь съ каждаго нормальной величины судна, то-есть, вмѣщающаго въ себѣ трехъ челоуѣкъ, платится три шеффеля соли и ничего больше; послѣ этого можно ѣхать до Маутерна (Mutagen, городъ на Дунаѣ при Кремсѣ и Штейнѣ) или до какого бы то ни было установленнаго солянаго рѣкиа, а тамъ въ Маутернѣ, или гдѣ-либо, платятъ опять по три шеффеля, получая полную свободу продавать и покупать безъ всякаго запрета со стороны графа или стѣснаенія съ какой-либо другой стороны — по вольной цѣнѣ, установленной между продавцемъ и покупателемъ.

8) Если же кто захочетъ идти на торгъ моравскій (захочетъ вести торговлю съ Моравіей), то платитъ при отправленіи туда одинъ солядъ, а при возвращеніи ничего не обязанъ платить.

9) Купцы по ремеслу, то-есть, жиды и прочіе торговцы изъ Баваріи или изъ другихъ мѣстъ платятъ съ рабовъ и прочихъ предметовъ надлежащее мыто, какъ это было при прежнихъ короляхъ.

Какъ видно отсюда, раффельшттетенская грамота представляетъ драгоцѣнный источникъ для исторіи торговли и международныхъ торговыхъ отношеній на Дунаѣ въ данную эпоху. Значеніе ея въ этомъ отношеніи достаточно оцѣнено какъ нѣмецкими учеными, такъ и въ извѣстномъ русскомъ сочиненіи К. Я. Грота: „Моравія и Мадьяры“ (С.-Петербургъ. 1881). Изъ нея выясняется общій характеръ и направление мѣстной производительности и торговли. Пошлинныя правила защищаютъ вообще интересы мѣстной торговля въ Восточной маркѣ, не давая слишкомъ большнхъ правъ купцамъ другихъ имперскихъ областей (самой Баваріи), и въ особенности иностраннымъ. Главная статья, о которой идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, есть пошлина на соль; въ этомъ отношеніи поощрялась торговля мѣстною солью (изъ области Траунгау) и затруднялась конкуренція съ нею привозной (баварской) соли: за послѣднюю платилась ввозная пошлина, тогда какъ соляныя барки изъ Траунгау не платили ничего. Только для собственнаго употребленія жители Баваріи могли ввозить съ собою нѣкоторое количество соли. Нѣсколько иначе было съ другими продуктами и въ торговлѣ рабами; ввозъ всего этого изъ Баваріи былъ облегченъ. Съ другой стороны, раффельшттетенскія постановленія ограждали интересъ мѣстныхъ торговыхъ людей въ Восточной маркѣ отъ невыгодной для нихъ конкуренціи съ иностранцами-купцами изъ земель славянскихъ, Чехіи и Моравіи. Славянскіе

купцы, желавшіе сбывать свои товары по берегамъ Дуная, должны были вносить довольно значительную ввозную пошлину независимо отъ рыночной (которая отличается отъ ввозной) отчасти натурой, отчасти деньгами, тогда какъ баварцы и живущіе съ ними подъ одною властію славяне ввозной пошлины не платятъ, а только рыночную въ извѣстныхъ установленныхъ торговыхъ пунктахъ. Наконецъ, стѣснены были торговые сношенія съ Моравіей специально установленною вывозною пошлиною въ одинъ солидъ, подъ которымъ нужно разумѣть золотую монету (а не серебряный солидъ) цѣнностію нѣсколько болѣе семи теперешнихъ марокъ.

Помимо общаго интереса, раффельштеттенскій документъ имѣетъ для насъ особенное значеніе тою своею статьею, въ которой упоминается о Ругахъ или точнѣе о славянахъ изъ Руговъ. Какихъ Руговъ слѣдуетъ тутъ разумѣть и какую страну? Въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ эпоху переселенія народовъ, подъ именемъ Руговъ извѣстенъ былъ небольшой германскій народъ готскаго семейства, съ береговъ Балтійскаго моря между Вислой и Одеромъ переселившійся въ область среднего Дуная и занимавшій во второй половинѣ V вѣка часть Норика (*Noricum griseum*), соответствующую областямъ нижнѣшней Моравіи на лѣвой сторонѣ рѣки и нижней Австріи на правой (на западъ до рѣки Енжи). Было время, когда жители придунайскаго города Пассава (Пассау), при посредничествѣ святаго подвижника Северина, хлопотали объ установленіи свободныхъ торговыхъ отношеній съ Ругами, такъ какъ не смотря на господство германскихъ варваровъ римскіе торги и рынки на сѣверѣ Дуная продолжали еще существовать ¹⁾. Но владычество Руговъ въ означенныхъ областяхъ было непродолжительно; конецъ ему былъ положенъ въ 487 году Одоакромъ, при чемъ германское населеніе было разсѣяно, а старое романизованное выведено было Одоакромъ въ Италію, такъ какъ онъ не считалъ возможнымъ удержать за собою покоренную страну. Послѣ территория Руговъ занята была временемъ Лангобардами, какъ объ этомъ сообщаетъ намъ національный историкъ Лангобардовъ, Павелъ діаконъ, современникъ Карла Великаго, называющій при этомъ страну Руги ландомъ—по старой памяти. Лангобарды, по прошествіи 30 лѣтъ послѣ катастрофы, постигшей Руговъ, въ свою очередь ушли въ Италію. Предыдущими событіями очищенъ былъ путь для свободнаго распространенія славянской колонизаціи, которая началась, конечно, и ряже, такъ какъ уже Лангобарды гос-

¹⁾ Eugippii Vita S. Severini Monum. German. ant. 1, 2 ed. Sauppe.

подствовали надъ Вое-винидами (въ Чехіи). Подъ наплывомъ славянскаго населенія, захватившаго не только область рѣки Моравы, но и Нижнюю Австрію, остатки народности Руговъ, и самая память о германскихъ Ругахъ на Дунаѣ совсѣмъ почти исчезли; въ десятомъ вѣкѣ западныя лѣтописцы, желая блеснуть своею ученостію, правда, употребляли это названіе, но прилагали его—по созвучію—къ совсѣмъ другому народу и къ совсѣмъ другой странѣ, именно къ Русскимъ и Русн (позднѣе къ Ранамъ или Руянамъ острова Рюгена). Выпадаютъ случаи, что названіе народа остается за принадлежавшею ему страню, не смотря на послѣдующія смѣны населенія, то-есть, что этнографическое значеніе термина превращается въ простое географическое; примѣромъ можетъ служить хотя бы сосѣдняя Богемія. Но въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія предполагать что-либо подобное именно потому, что послѣ Павла-діакона, который при томъ говорилъ о временахъ прошлыхъ, никто не знаетъ какого-либо моравскаго Ругиланда. На оборотъ мы видимъ, что у наилучшаго писателя времени Оттона I, у продолжателя хроники Регинона, наша Ольга, мать князя Святослава, называется (по поводу своего посольства къ императору Оттону) королевою или княгинею Руговъ (*regina Rugorum*); на Русь, согласно съ просьбою Ольги, былъ отправленъ въ качествѣ епископа Адальбертъ, ученый монахъ обители св. Максимиана въ Трирѣ, именно предполагаемый авторъ продолженія Региноновой хроники: въ такомъ случаѣ самъ разказывающій о своемъ неудачномъ миссіонерствѣ на Руси: какъ бы то ни было—либо самъ Адальбертъ, либо близкій къ нему и знающій человѣкъ нѣсколько разъ именуется здѣсь Русскихъ Ругами; Адальбертъ есть *Rugorum episcopus*, что соотвѣтствуетъ выраженію *Rusciae praesul* у Титмара Мерзебургскаго ¹⁾). Въ 968 году этотъ Адальбертъ возведенъ былъ въ архіепископы Магдебурга и въ нареченной грамотѣ, выданной по этому поводу императоромъ Оттономъ, припоминается, что онъ первоначально былъ назначенъ проповѣдникомъ и миссіонеромъ для Руговъ (*Rugis olim praedicatorum destinatum et missum*), то-есть, для Русскихъ ²⁾). Такимъ образомъ и въ официальномъ документѣ Руги употребляются въ смыслѣ Русскихъ. Могутъ быть указаны и другіе позднѣйшіе примѣры подобнаго словоупотребленія у англійскихъ и французскихъ писателей;

¹⁾ *Pertz, SS. I, 624. III, 75, cp. Giesebrecht, Gesch. der Kaiserzeit I, 490 (четвертое изданіе).*

²⁾ *Sickel. Diplom. reg. et imperat. (Monum. German. histor.), t. I. 503 № 366.*

но въ этомъ нѣтъ нужды, такъ какъ намъ прежде всего необходимы были нѣмецкія аналогіи, притомъ по возможности ближайшей эпохи, а продолжатель Регинона и грамота Оттона отстоятъ отъ нашего документа всего на шестьдесятъ лѣтъ. Не естественно предполагать для каждаго отдѣльнаго десятилѣтія свою особую географическую терминологію. Вотъ причина, почему большая часть новыхъ ученыхъ, которымъ приходилось говорить о раффельштеттенскомъ уставѣ, разумѣютъ подъ славянами приходящими изъ Руговъ славяны, приходящихъ изъ Кіевской Руси. Еще Гюльманъ, оцѣнившій значеніе грамоты для исторіи нѣмецкой торговли, полагалъ, что здѣсь нужно разумѣть Русскихъ. Вюдингеръ, правда, думалъ о старой землѣ Руговъ на Балтійскомъ морѣ, но и онъ не отвергалъ возможности, что въ данномъ случаѣ подъ страню Руговъ просто подразумѣвается земля Русская. Дюммлеръ въ одномъ своемъ изслѣдованіи полагалъ, что славяне изъ Руговъ суть славяне изъ Моравіи, что подъ Ругами здѣсь разумѣется старый заглохшій Ругиландъ моравскій; но въ другомъ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи онъ уже считаетъ Руговъ Русскими, отказавшись отъ прежняго мнѣнія, которое, по видимому, основано было только на томъ, что славяне изъ Руговъ поставлены въ документѣ рядомъ со славянами изъ Чеховъ (Bohemov, de Boemania). Затѣмъ Вайтцъ, Ридлеръ, Кеммель, Инама-Штернеггъ ни мало не сомнѣваются въ томъ, что славяне изъ Руговъ, упоминаемые въ мытномъ уставѣ 903 или 904 года, суть славяне, приходящіе изъ Руси ¹⁾. Невѣроятнымъ это продолжаетъ казаться только русскимъ изслѣдователямъ; они какъ будто пугаются мысли, что уже во времена Олега русская торговля могла заходить столь далеко. Академикъ А. А. Кунинъ, который держался мнѣнія о старинномъ лангобардскомъ Ругиландѣ, высказалъ свои возраженія противъ всякаго другаго пониманія еще въ извѣстномъ своемъ трудѣ „О призваніи Шведскихъ Родсовъ“. Онъ находилъ непонятнымъ, какъ нѣмецкій ученый, занимавшійся исторіей славянъ прибалтійскихъ (Л. Гизебрехтъ, *Wendische Geschichten*) могъ дойти до того,

¹⁾ *Hallmann*, *Städtewesen des Mittelalters* I, 345. *Bädinger*, *Oesterreich. Geschichte* I, 157. *Dämmler*, *Südöstliche Marken*, p. 69. За нимъ *Dudik*, *Gesch. Mährens* I, 381. 530. *Dämmler*, *Gesch. des ostfränkischen Reichs* (старое изданіе) II, 530 *Waits*, *Verfassungsgesch.* IV, 73 (старое изданіе). *Rissler*, *Geschichte Baierns* (Gotha, 1878) I, 274. *Kämmel*, *Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich* (Leipzig, 1879) pag. 288. *Inama-Sternegg*, *Deutsche Wirthschaftsgeschichte* (Leipzig, 1879) I, 438.

чтобы переводить выраженіе Руги словомъ Русь, Россія, такъ какъ нельзя и думать о какихъ-либо непосредственныхъ торговыхъ связяхъ восточныхъ славянъ съ Германіей прежде основанія Русскаго государства ¹⁾. Почтенный и уважаемый академикъ имѣлъ случай вновь высказаться по данному вопросу, и на сей разъ, приурочивая свои замѣчанія къ новому изданію раффельштеттенскаго документа въ собраніи Пертца, онъ уже допускалъ, что его собственное толкованіе слова Руги въ смыслѣ древняго Ругиланда (Rugiland, по лангобардскимъ источникамъ, въ бассейнѣ нижней Моравы) лишено твердыхъ основаній, но тѣмъ не менѣе онъ не считалъ возможнымъ прямо согласиться съ нѣмецкими историками—Вайтцемъ и Дюмлеромъ, указывая на то, что при рѣшеніи вопроса должно преимущественно имѣть въ виду товары или предметы торговли ругійскихъ купцовъ, и что въ томъ отношеніи является сомнительнымъ вывозъ лошадей изъ тогдашней югозападной Россіи въ Баварскую Украину ²⁾. Если мы въ самомъ дѣлѣ остановимся на этомъ пунктѣ, то намъ представляется слѣдующее: славяне изъ Руговъ или изъ Богемовъ привозятъ воскъ, продаютъ рабовъ и лошадей: первые два предмета торговли исконно и специально русскіе, ибо и Святославъ въ своемъ Переяславцѣ на Дунаѣ предполагалъ получать изъ Руси Кіевской скору и воскъ и медъ и челядь. Правда, что комони, то-есть, лошади, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серебро должны были приходиться къ нему изъ Чехъ и изъ Угорь, при чемъ на долю Угріи, конечно, слѣдуетъ отнести преимущественно коней. Но развѣ отъ однихъ мадяровъ Русь Кіевская могла получать коней? Константинъ Багрянородный пишетъ (de administr. imperio cap. 2 ed. Bonn. pag 69): „Русь старается держать миръ съ Печенѣгами, ибо покупаетъ у нихъ воловъ, коней и овецъ: всего этого нѣтъ въ Россіи“. Можно настаивать на извѣстномъ предпочтеніи славянъ вообще, русскихъ въ особенности къ пѣшему строю и пѣшему хожденію, но это мало поможетъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ нашемъ источникѣ въ концѣ концовъ коней приводятъ все-таки славяне—откуда бы они ни были—изъ Чехіи, Моравіи или Россіи: *Slavi de Rugis vel de Boemanis*. Здѣсь нужно разсуждать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ два пред-

¹⁾ Die Berufung der Schwedischen Rodsen (S.-Petersburg, 1845) I. 25.

²⁾ См. Сообщеніе А. А. Куника въ засѣданіи Археографической комиссіи 21-го января 1880-го года. *Извѣстія Археографической комиссіи*. Выпускъ восьмой, 1888 г., стр. 37—39.

мета торговли весьма вѣроятно приходится на Руговъ, или что то же Русскихъ, то третій изъ названныхъ всего скорѣе долженъ быть отнесенъ на счетъ Чеховъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что славяне чешскіе получали коней изъ тогдашней Венгріи, отъ мадьяръ, недавно поселившихся въ дунайской равнинѣ и въ Панноніи. Если же предполагать, что всѣ три предмета торговли безразлично и нераздѣльно приходится на обѣ стороны, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ допустить, что Русскіе (Руги) могли быть только посредниками въ торговлѣ лошадьми, что они получали ихъ отъ сосѣднихъ кочевыхъ турецкихъ народовъ, хотя бы отъ тѣхъ же самыхъ Печенѣговъ, такъ какъ Печенѣги сосѣдили съ Русскими уже и ранѣе Константина Багрянороднаго; именно подъ ихъ давленіемъ Мадыры очистили съ начала Лебедію (въ южной Россіи), потомъ Ателькузу (на нижнемъ Дунаѣ). Съ большимъ вниманіемъ отнеси къ раффельштеттенскому документу и къ вопросу о Ругахъ авторъ сочиненія „Моравія и Мадыры“, К. Я. Гротъ (стр. 390—394). Мнѣніе о сѣверномъ Ругиландѣ, которое вскользь было высказано Бюдингеромъ, онъ, конечно, безусловно опровергаетъ; онъ не считаетъ также возможнымъ остановиться на объясненіи земли Руговъ Моравіей, такъ какъ о Мораванахъ и безъ того въ грамотѣ говорится особо, гдѣ они и названы своимъ именемъ (ad mercatum Magahogum); не вѣроятно, чтобъ ихъ страна въ другомъ мѣстѣ была названа другимъ именемъ, въ сущности ей чуждымъ. Далѣе, автору кажется вполне правдоподобнымъ предположеніе, что подъ Ругами въ нашемъ документѣ слѣдуетъ разумѣть Русскихъ; ибо фактъ заходженія русскихъ купцовъ на средній Дунай въ началѣ X вѣка самъ по себѣ можетъ быть допущенъ, хотя другихъ современныхъ извѣстій о столь отдаленныхъ путешествіяхъ купцовъ изъ Руси и не имѣется. Но не отвергая общепринятаго теперь у нѣмецкихъ авторитетныхъ ученыхъ толкованія, К. Я. Гротъ все-таки больше склоняется къ другому, своему собственному, едва ли однако удачному или даже достаточно опредѣленному. Онъ думаетъ, что слово Руги можетъ быть принято скорѣе какъ чисто-географическое понятіе, чѣмъ какъ племенное названіе, и что отрѣшиться отъ отождествленія земли Руговъ съ Моравіей еще не значитъ отказаться отъ самой мысли ставить въ связь этихъ Руговъ съ извѣстнымъ Ругиландомъ и считать ихъ имя въ данномъ случаѣ чисто-географическимъ понятіемъ, которое должно быть приурочено къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности, сохранившей за собою, какъ это иногда бываетъ, названіе своихъ древнихъ обитателей. „Вотъ почему мы

считаемъ", говоритъ нашъ молодой ученый, —, вполне возможнымъ приурочить этотъ географическій терминъ къ мѣстности между южными пограничными чешскими горами и Дунаемъ, то-есть, къ сѣверной части нынѣшняго эрцгерцогства австрійскаго, приблизительно отъ р. Энци до р. Моравы, однимъ словомъ къ странѣ, гдѣ именно было когда-то средоточіе Ругиланда" (стр. 394). Разсужденія эти мы никакъ не можемъ признать основательными — во первыхъ, потому, что нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого словоупотребленія, чтобы Ругиландъ, совсѣмъ не захватывая Моравіи, означалъ только позднѣйшія австрійскія земли; во вторыхъ, потому, что, при сопоставленіи Руговъ съ Чехами и Моравами—въ этнографическомъ или географическомъ смыслѣ, все одно—естественно предполагать извѣстное соотвѣтствіе, симметрію и равенство между всѣми терминами; такъ какъ въ нашемъ документѣ идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ дѣйствительно существовавшихъ государствахъ и народахъ, съ начала о Чехахъ, послѣ о Моравяхъ, то естественно же всего и въ третьемъ названіи отыскивать не какую-либо мелкую провинцію, а именно цѣлый народъ; третьихъ, несомнѣнно, что бывшій лангобардскій Ругиландъ, не совпадая всецѣло ни съ Моравіей, ни съ Восточною маркой, но включая доли той и другой, позднѣе распался на двѣ части, которыя распредѣлялись между Моравіей и Восточною маркой, такъ что та именно доля, которую отводитъ для себя К. Я. Гротъ, окажется частью Восточной марки, а это совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, ибо въ документѣ рѣчь идетъ явнымъ образомъ о пришлыхъ иностранныхъ купцахъ. По всѣмъ признакамъ, марка простиралась на востокъ до Вѣнскаго лѣса и соотвѣтствующей черты на сѣверѣ Дуная, приблизительно до Шкоккеау¹⁾, причемъ область на югъ отъ Дуная имѣла свое особое названіе, ничуть не напоминающее Руговъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, всего проще и всего лучше подъ Ругами раффельштеттенскаго документа разумѣть именно Русскихъ Кіевской Руси; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что они ходили на Дунай черезъ Польшу и Прагу, являясь въ Ротоларіи и Реотаріи—Ретель и Ридмархъ—вмѣстѣ съ родственными по языку Чехами.

Въ настоящее время на подкрѣпленіе такого толкованія являются чрезвычайно любопытныя и цѣнныя показанія еврейскаго путешественника, Ибрагима-Ибн-Якуба, посѣтившаго славянскія земли, Чехію и Польшу, во времена Оттона и описавшаго оныя около

¹⁾ *Kaemmel*, Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich, p. 210.

865 года. Онъ зналъ королей Мѣшка I Польскаго († 999) и Болеслава Чешскаго († 967). Извѣстiя его сохранены для насъ арабскимъ писателемъ Ал-Бекри и недавно были изданы барономъ В. К. Розеномъ вмѣстѣ съ академикомъ А. А. Купникомъ ¹⁾. Вотъ что писалъ Ибрагимъ Иби-Якубъ: „Что же касается до земли Войслава (чешскаго), то длина ея отъ города Краквы — трехнедѣльный путь. И городъ Фрага (Прага) выстроенъ изъ камня и извести и онъ есть богатѣйшiй изъ городовъ торговлею. Приходятъ къ нему изъ города Краквы Русь и славяне съ товарами, и приходятъ къ нимъ (жителямъ Праги) изъ странъ торковъ мусульмане и евреи и турки, также съ товарами и съ мѣталлами византийскими и вывозятъ отъ нихъ муку, олово и разные мѣха“.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить свидѣтельство автора древнѣйшей польской хроники, называемаго безъ достаточныхъ основанiй Мартиномъ Галломъ, такъ какъ это былъ, по видимому, не французъ, а италианецъ, проживавшiй при дворѣ Болеслава III Кривоустаго въ качествѣ его капеллана. Въ своихъ „Польскихъ хроникахъ“ (*Chronicae Polonorum*), доведенныхъ до 1113 года, онъ по преимуществу имѣлъ въ виду прославленiе своего современнаго героя, но въ началѣ, въ видѣ введенiя, касается (въ первой книгѣ) первоначальной исторiи Польши, пользуясь устными разказами и сообщенiями, какiя ему пришлось слышать, и здѣсь онъ замѣчаетъ, что въ прежнiя времена Польша оставалась страню удаленною отъ большихъ дорогъ, посѣщаемыхъ путешественниками, и извѣстна была развѣ немногимъ, кромѣ отирающихся въ Россiю ради торговли ²⁾. Итакъ, если въ X вѣкѣ извѣстны намъ сношенiя русскихъ купцовъ черезъ Краковъ съ Прагою и далѣе, вѣроятно, черезъ Чехiю съ Придунайскими областями Восточной марки, то въ XI уже предполагается встрѣчное движенiе, то-есть, путешествiя западно-европейскихъ купцовъ въ Россiю ради торговыхъ цѣлей черезъ Польшу. Если возможны были послѣднiя—а они, какъ увидимъ далѣе, засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ,—то почему же невѣроятны будутъ первыя? Переходъ активной роли въ торговлѣ

¹⁾ Извѣстiя Ал-Бекри о славянахъ и ихъ соседяхъ: *Записки Императорской Академiи Наукъ*, томъ тридцать второй (С.-Петербургъ, 1879).

²⁾ *Martini Galli Chronicae Polonorum* cap. 3. *Pertz* SS. IX, 418. *Bielowski* I, 394). Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeantibus in Ruselam pro mercimonio, paucis nota.

отъ русскихъ къ при-дунайскимъ нѣмцамъ, обнаруживающійся въ XII вѣкѣ, легко объясняется развитіемъ городской жизни въ Германіи, возникновеніемъ тамъ сильныхъ и богатыхъ торговыхъ центровъ, способныхъ соперничать съ Кіевомъ.

Наиболѣе выдающимся политическимъ и особенно торговымъ центромъ въ дунайскихъ областяхъ уже съ X вѣка былъ Регенсбургъ, въ слѣдующія столѣтія все болѣе разширявшійся и богатѣвшій. Вслѣдствіе наплыва новыхъ поселенцевъ въ XII столѣтіи онъ считался самымъ многочисленнымъ въ Германіи; въ 1094 году, во время моровой явы, въ Регенсбургѣ въ теченіе двѣнадцати недѣль умерло 8500 человекъ. Что касается торговли, то едва ли какой другой городъ извлекалъ больше выгодъ изъ ея оживленія, замѣчаемаго съ X вѣка. Въ самомъ сердцѣ Франціи извѣстны были великолѣпныя матерія, приготовленныя въ Регенсбургѣ; въ источникахъ встрѣчаются упоминанія о купцахъ, возвысившихся путемъ торговли или промысла-ремесла изъ несвободнаго состоянія до близости къ королю, до обладанія громаднымъ земельнымъ имуществомъ. Обширныя торговныя связи привлекаютъ въ Регенсбургъ постороннихъ чуждыхъ людей; со времени Генриха II, съ начала XI вѣка, тамъ уже существовалъ особый жидовскій кварталъ. Есть упоминаніе о какой-то гречанкѣ, здѣсь поселившейся¹⁾. Городъ славился также своими святынями, церквами и монастырями. Капелла Св. Дѣвы была построена по образцу ахенской; въ знаменитый монастырь св. Еммерама еще королемъ Арнульфомъ были перенесены мощи св. Діонисія, съ очевиднымъ намѣреніемъ дать обители такое же значеніе, какое имѣлъ Saint-Denis во Франціи.

Къ XII вѣку относится основаніе новаго монастырскаго общежитія въ Регенсбургѣ такъ-называемыми Скоттами. Хотя названіе этого кельтскаго народа и перенесено было на Шотландію вслѣдствіе колонизаціи, начавшейся еще во время римской власти надъ Британніей, но по старой памяти подъ этимъ именемъ все еще разумѣли пришельцевъ и странниковъ изъ Ирландіи, гдѣ Скотты первоначально обитали. Въ начальную эпоху нѣмецкой исторіи Скотты много потрудились надъ обращеніемъ нѣмцевъ въ христіанство; миссіонеры ихъ прославлены въ исторіи христіанской проповѣди подъ

¹⁾ О политическомъ и торговомъ значеніи подробнѣе см. *S. Hirsch*, *Jahrbücher des deutschen Reichs unter Heinrich dem Zweiten I*, 23. 24. Также *Gfrörer*, *Verfassungsgeschichte von Regensburg* (Dissertat. 1882) pag. 44 и слѣд.

названіемъ кульдеевъ; но слава ихъ была не только помрачена, но отчасти и предвосхищена англо-саксонскимъ монахомъ Бонифаціемъ. Теперь въ началѣ XII вѣка кульдеи опять появляются въ Германіи въ большомъ количествѣ¹⁾; изъ числа ихъ особенно прославился св. Маріанъ, изображаемый въ жизнеописаніяхъ человѣкомъ въ высшей степени привлекательнымъ: на сколько онъ былъ красивъ по наружности, на столько же одаренъ былъ высокими душевными качествами. Съ двумя спутниками онъ прибылъ въ Германію при императорѣ Генрихѣ IV и поселился сначала въ Бамбергѣ, а затѣмъ нашелъ себѣ пристанище въ одномъ монастырѣ въ Регенсбургѣ (Obermünster). Уже ранѣе одинъ землякъ его, по существовавшему у ирландскихъ кульдеевъ обычаю, подвизался здѣсь въ кельѣ, замуравивъ себя въ стѣнѣ и оставивъ небольшое отверстіе для сношеній съ внѣшнимъ міромъ: еще одна черта сходства кульдейскихъ обычаевъ съ восточно-христіанскими. Маріанъ и его товарищи прославились литературными трудами: отъ нихъ осталось много рукописей церковнаго содержанія, писанныхъ на пергаментѣ. Когда число пришельцевъ изъ далекой Гиберніи умножилось въ Регенсбургѣ, то при Генрихѣ V (1106—1125) Скотты съ согласія папы Калликста и императора купили себѣ здѣсь внѣ городской стѣны на западъ новое мѣсто и при содѣйствіи зажиточныхъ регенсбургскихъ купцовъ выстроили монастырь во имя св. Іакова и Гертруды. Однако, средствъ для окончанія зданія, какъ это въ подобныхъ случаяхъ часто бываетъ, оказалось недостаточно. Помогла Русь и русскіе мѣха. Въ житіи Маріана разсказывается, что одинъ изъ братіи, Маврикій по имени, отличавшійся практическимъ умомъ и предпримчивымъ духомъ, отправился, сопровождаемый однимъ только прислужникомъ, трудно проходимыми путями къ королю Русскому и счастливо достигъ города Кіева. Здѣсь онъ былъ щедро одаренъ княземъ, подъ которымъ нужно подразумѣвать одного изъ Изяславичей—либо Святослава († 1122), либо Мстислава († 1129 г.), а также старѣйшинами города. Приношенія православныхъ русскихъ людей состояли въ драгоценныхъ звѣриныхъ мѣхахъ цѣнностію во сто тогдашнихъ марокъ; этими мѣхами было нагружено нѣсколько повозокъ или телегъ, съ которыми Маврикій (Морицъ) и направился обратно въ Регенсбургъ, но на этотъ разъ уже

¹⁾ Существуетъ о нихъ статья Ваттенбаха: *Wattenbach*, die Congregation der Schottenklöster in Deutschland: *Archeologische Zeitschrift* von *Otte* und *Quast*, Bd. I. Ср. *Riesler*, Geschichte Baierns I, 530—531.

не одинъ, а вмѣстѣ съ купцами, возвращавшимися туда же изъ Кіева (сум negotiatoribus): послѣдняя подробность и представляется намъ наиболѣе интересною и важною, показывая, что дорога въ Кіевъ изъ Регенсбурга хотя и считалась трудною для путешественниковъ, но уже вовсе не была необычною, что напротивъ этою дорогою въ началѣ XII вѣка ходили цѣлыя купеческія караваны. Мѣха, полученные на Руси, конечно, были проданы, а на вырученные деньги докончена была постройка монастыря, и возведена была надъ нимъ крыша ¹⁾). Житіе св. Маріана писано около 1185 года ²⁾). Волландисты, въ первый разъ издавшіе памятникъ, присоединили къ нему надлежащіе комментаріи, гдѣ, между прочимъ, по поводу упоминанія о Кіевѣ, приведено указаніе на французское посольство въ Ярославу Мудрому съ цѣлю сватовства его дочери за сына короля Роберта: пословъ особенно интересовалъ вопросъ о мощахъ св. Климента. Они получили объ этомъ свѣдѣнія отъ самого князя, и если вѣрить имъ или передатчику ихъ словъ, то Ярославъ будто бы утверждалъ, что онъ самъ лично принесъ изъ Корсуны въ Кіевъ главы Климента и его ученика Фива ³⁾).

¹⁾ Vita S. Mariani, abbatis Ratisponensis: *Acta Sanctorum* 9 Februar. II, 365 et sequi. Разказъ о Маврикіѣ или Моридѣ въ четвертой главѣ житія (pag. 369). Tunc quidam de fratribus loci eiusdem, vir industrius et in rebus agendis eruditissimus, nomine Mauricius, solus cum solo puero comite per devia mundi, spiritus sancti ducente cum gratia, ad *Regem Russiae* perveniens, ab eodem rege ac *Principibus urbis* ditissimae *Chios* de ferinis pellibus pretiosis valentibus centum marcas recepit, atque eisdem vehiculis ferens *cum negotiatoribus* Ratisbonam pacifice pervenit: ex quarum pretio claustrum aedificavit, tectum quoque monasterii factum est.

²⁾ *Wattenbuch*, Deutsche Geschichtsquellen (5 изд.) II, 347—348. Ср. *Bisler*, Geschichte Baierns I, 530, 531.

³⁾ Вотъ что пишетъ комментаторъ для объясненія написанія слова *Chios*: Ita quoque in appendice ad vitam S. Clementis papae, quam dabimus 23 Novembris, de Jaroslao S. Ulodimiri filio habetur: Retulit igitur Rex Georgius Sclavus episcopo Catalaunensi (то-есть, епископу Шалонскому Ромеру, послу Генриха короля въ 1048 году) quod ipsemet quondam ibi (въ Корсунѣ) perrexit et inde secum attulit capita SS. Clementis et Phoechi discipuli ejus et posuit in civitate *Chion* (legendum arbitror *Chiu*), ubi honorifice venerantur: quae capita eidem episcopo ostendit. Впрочемъ, въ болѣе полномъ видѣ краткое сказаніе приведено уже въ Актахъ за мѣсяць мартъ при житіи св. Кирилла, просвѣтителя славянъ, въ предварительномъ комментаріи къ Итальянской легендѣ, принадлежащемъ Геншеву (*Acta Sanctorum* 9 Mart. II, 16). Оказывается, что оно найдено было въ древнемъ кодексѣ Сентъ-Омера (S. Audomari) въ видѣ приписки къ повѣствованію объ извѣстномъ чудѣ съ дитятею, оставшемся цѣлымъ годъ подъ водою при мощахъ св. Климента.

Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить извѣстіе, сообщаемое неизвѣстно изъ какого первоначальнаго источника Татищевымъ и отнесенное имъ къ 1129 году, что Ляхи ограбили русскихъ купцовъ, ѣдущихъ изъ Моравіи. Возможность такого факта, то-есть, возможность поѣздки русскихъ купцовъ чрезъ Польшу въ Чехію и Моравію, а также и обратно, для насъ очевидна изъ предыдущаго. Слѣдуетъ только предположить, что появившійся въ X и XI вѣкахъ духъ предприимчивости у кievскихъ купцовъ не иссякъ и въ XII столѣтіи, что они не перестали посѣщать лично средне-дунайскія области послѣ того, какъ сами нѣмцы стали пріѣзжать въ Кіевъ за нужными имъ товарами. Какъ извѣстно, нѣкоторое указаніе на сношенія Русскихъ съ Моравіей можно находить и въ Словѣ о полку Игоревомъ, гдѣ разказывается, что когда Свитославъ, отецъ Игоря сѣверскаго, разгромилъ землю половецкую и Кобыкъ явился во дворцѣ Святослава кievскаго, то его прославляли не только Греки, но и Моравы: „ту нѣмцы и Венедицы, ту Греки и Моравы поють славу Святъславлю“¹⁾.

Упомянутся также путешественники или пилигримы изъ Руси (*peregrinantes de Ruzia*) въ исторіи перенесенія мощей нѣмецкаго святаго, Годегарда Гильдесгеймскаго, прославившагося своею дѣятельностью по восстановленію церковной дисциплины и въ особенности школьнаго образованія въ началѣ XI вѣка; онъ учредилъ училище въ Гильдесгеймѣ и снабдилъ его отличными преподавателями; его ученики дѣйствовали въ томъ же направленіи въ Герсфельдѣ и въ другихъ мѣстахъ Саксоніи²⁾. Повѣсть о канонизаціи и чудесахъ Годегарда написана послѣ 1132 года, къ которому и относится канонизація. Основные факты сказанія принадлежатъ, главнымъ образомъ, Саксоніи и не касаются ни Регенсбурга, ни странъ при-дунайскихъ; важный для насъ разказъ о чудѣ съ путешественниками изъ Руси тоже не пріурочивается прямо къ нашей темѣ, но тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ вниманія и, можетъ быть, не лишень къ ней извѣстнаго отношенія. Содержаніе разказа слѣдующее: Нѣкіе странники, избравшіе своимъ патрономъ св. Годегарда, возвращались изъ Руси домой, и вотъ имъ пришлось въ Вербное Воскресенье вступить въ пустынное мѣсто. Такъ какъ они имѣли въ средѣ своей священника, то, по христіанскому обычаю, они хотѣли

¹⁾ *Дриштовъ*, Промышленность древней Россіи (С.-Пб. 1868), стр. 187.

²⁾ *Wattenbach*, Deutsche Geschichtsquell. II, 23.

отправить божественную службу; но въ это время внезапно напали на нихъ толпы язычниковъ съ оружіемъ въ рукахъ; часть путешественниковъ была перебита, палъ и священникъ, но другіе спаслись: хотя они были безоружны, но рѣшились защищаться, призвавъ на помощь святаго Годагарда; схватка кончилась тѣмъ, что враги не смотря на свою сравнительную многочисленность, обратились въ бѣгство, побросавъ оружіе. Страпники, видя это, преслѣдовали язычниковъ и били ихъ палками, которыя имѣли въ рукахъ по обычаю пилигримовъ, шесть человѣкъ убили, а оружіе, брошенное разбойниками, между прочимъ, щитъ и мечъ, пожертвовали на память о своемъ спасеніи во храмъ св. Годагарда въ Гильдесгеймъ ¹⁾.

Ни мѣсто происшествія, ни племенное происхожденіе людей, названныхъ сначала язычниками, потомъ разбойниками, не указаны въ нашемъ источникѣ, и напрасно было бы гадать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что и подлинность самаго факта не находится въ сомнѣніи. Сообразно съ характеромъ источника, мы можемъ вывести изъ него только такое заключеніе, что въ XII вѣкѣ въ Германіи слышали о Россіи и считали весьма возможнымъ и естественнымъ, но не совсемъ однако безопаснымъ, путешествіе въ эту страну. Дорога, мы знаемъ, была проложена купцами, но авторъ сказанія, по видимому, предполагаетъ, что въ XI вѣкѣ могли путешествовать въ Русь и обыкновенные пилигримы, то-есть, люди, имѣющіе въ виду религіозную цѣль, поклоненіе какой-либо святынѣ.

Въ 1142 году Германскій король, именовавшій себя также императоромъ, Конрадъ III жаловался своему союзнику и свойствен-

¹⁾ *Ierts.* SS. XII p. 642—652, *Migne. Patrol. lat.* 141, 7221. *Circus idem tempus, per beatum Godehardum insigne contigit miraculum et dignum memoria retinendum. Nam quidam peregrinantes de Russia ad patrocinium beati Godehardi adventabant et in die palmarum quoddam desertum intrabant. Sed, christiano more, cum divinum officium nituntur peragere, contigit ut subito multitudo paganorum in eos irrueret, et quotquot poterant neci traderent. Factum est ergo ut sacerdos, qui una cum ipsis fuerat, occumberet, et per passionem ad Dominum migraret; alii vero videntes nec una interimi, licet inermes resistere eis parabant; sed propius protectionem beati Godehardi devotissime implorabant. Quo facto, licet plures et armati contra inermes congregarentur, tamen, Domino faciente, pagani se in fugam verterunt et arma passim a se reiecerunt. Ipsi vero hoc videntes baculis, quibus utuntur peregrini, illos feriebant, et circiter sex morti tradiderunt, victoresque effecti, arma quae a se latrones rejecerant acceperunt, et tam scutum quam gladium in signum victoriae in ecclesiam nostram detulerunt.*

нику, Византійскому императору Калоіоанну, на серьезную обиду, нанесенную его подданнымъ Русскими. Грамота, въ которой объ этомъ идетъ рѣчь, сохранена Оттономъ Фрейзингенскимъ, въ его Дѣянїяхъ Фридриха (Барбароссы). Изъ нея видно, что событіе, подавшее поводъ къ жалобѣ, произошло нѣсколько ранѣе 1142 года, и что о немъ была уже рѣчь въ предшествующей перепискѣ двухъ императоровъ, начавшейся, по видимому, въ 1139 или въ 1140 году. Конрадъ требовалъ, чтобы его византійскій союзникъ, какъ подобаетъ другу и свойственнику и какъ уже общалъ сдѣлать въ своей грамотѣ, наказалъ Русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги ¹⁾. На это Іоаннъ Комнинъ отвѣчалъ въ послѣдующей грамотѣ, что относительно дѣла, совершившагося въ Россїи, онъ поступилъ такъ, какъ отъ него ожидали, и какъ это соотвѣтствовало его достоинству ²⁾. Тѣмъ не менѣе вопросъ не считался оконченнымъ, и когда Іоаннъ Комнинъ умеръ (въ 1143 г.), а его тронъ занялъ императоръ Мануилъ, то Конрадъ еще разъ писалъ новому царю о русскомъ дѣлѣ, извѣщая, что онъ поручилъ передать свою волю относительно Русскихъ собственнымъ посламъ, отправляемымъ съ грамотою въ Константинополь ³⁾. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы разъяснить, гдѣ именно случилось нападеніе на нѣмецкихъ людей, учиненное Русскими. Но вмѣстѣ съ нѣмецкимъ новѣйшимъ ученымъ, излагавшимъ исторїю Конрада III, мы можемъ думать, что убитые и ограбленные въ Россїи люди были именно купцы ⁴⁾. Прибавимъ, что Конрадъ далъ первую свою грамоту въ Регенсбургѣ, который былъ имперскимъ городомъ. Та сторона дѣла, что нѣмецкій государь жалуется на Русскихъ императору Византійскому и этимъ путемъ надѣется получить удовлетвореніе, не ну-

¹⁾ Praeterea de Rutania, qui ad contemptum imperii nostri, occisis hominibus nostris, pecuniam nostram sibi usurpaverunt, sicut convenit in causa amici et propinqui tui et sicut nobis scripsisti, ita facias. Gesta Friderici (школьное изданіе), cap. 23, pag. 39.

²⁾ De causa quae facta sunt in *Rossia*, sicut imperio meo scripsisti, sicut convenit imperio meo facere in causa amici et propinqui sui, sic et feci (pag. 40).

³⁾ Ibid. pag. 43. *De Ruthenis* vero, pro quibus patri tuo divae recordationis Iohanni imperatori—scripsimus, ille noster praecordialis Wirziburgensis episcopus et caeteri familiares nostri voluntatem nostram tibi referent.

⁴⁾ *Bernhardi*. Konrad III (Leipzig, 1883). I, 271: Dass Kaufleute gemeint sind, ist wahrscheinlich.

ждается въ особнхъ толкованіяхъ. Это объясняется представленіемъ, что императору Византійскому принадлежитъ верховная власть надъ всѣмъ христіанскимъ восточнымъ міромъ, какъ императору Западному принадлежитъ такая же власть на католическомъ западѣ.

Прямо о торговыхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ во второй половинѣ XII вѣка свидѣтельствуется весьма любопытная запись въ знаменитой владной книгѣ монастыря св. Еммерама въ Регенсбургѣ ¹⁾. Здѣсь названъ даже по имени нѣмецкій купецъ, занимавшійся на Русн торговлею. Аббатъ монастыря св. Еммерама, Перингеръ, заявляетъ, что одинъ изъ людей, принадлежавшихъ къ фамиліи, то-есть, къ подданнымъ монастыря, по имени Гартвихъ, живущій въ землѣ Русской, въ городѣ, называемомъ Кіевъ, *Chiebo*, пожертвовалъ въ пользу обителя восемнадцать фунтовъ серебра, и этотъ вкладъ долженъ былъ поступить въ монастырскую казну черезъ посредство гражданъ регенсбургской общины, состоявшихъ въ долгу у Гартвиха, съ тѣмъ, чтобы деньги были употреблены на пользу бѣдныхъ и странниковъ при страннопріимномъ домѣ (госпиталѣ) св. Еммерама. Дѣйствительно, на вышеозначенную сумму приобретено было у одной благородной женщины ея помѣстье (*praedium*), какъ того и желалъ жертвователь, и передано было въ распоряженіе обителя, при чемъ, конечно, предполагалось, что поступающіе съ него доходы будутъ употребляемы на содержаніе странниковъ и бѣдныхъ ²⁾. Время пожертвованія не обозначено точнымъ образомъ, но все-таки по мѣсту, какое документъ занимаетъ въ сборникѣ, а также по имени аббата оно можетъ

¹⁾ Codex traditionum S. Emmerammensium: *Pex*, Thesaurus Anecdotorum novissimus. Ang. Vindelic. (Аугсбургъ) 1721—29. tom. I. Pars 3 pag. 173. Новое изданіе въ Quellen und Erörterungen zur bayerischen und deutschen Geschichte, Bd. I (1856); но въ этомъ изданіи важный для насъ документъ пропущенъ.

²⁾ Clarescat cunctis scire volentibus, tam praesentibus, quam futuris, quod quidam hujus Ecclesiae familiaris, Hartvic nomine, habitans in regione *Ruscias* in civitate *Chiebo* dicta, pro amore Dei et honore Patroni sui S. Emmerami, causa etiam vel desiderio plenariae apud fratres ejusdem loci adipiscendae fraternitatis, pecuniam suam videlicet X et VIII talenta per manus civium hujus urbis Grimoldi, Henrici et Chunradi, qui ejus debitores erant, obtulit ecclesiae nostrae, ea conditione et petitione, ut praedium ex eadem pecunia coemeretur quod pro sui memoria et salute animae suae in pauperum et peregrinorum consolationem ad Hospitale S. Emmer. traderetur. Annuentibus itaque ejus petitioni Peringero Abbate et Friderico, qui, tunc temporis cellarius et Magister Hospitalis ejusmodi loci erat, emptum est ex eadem pecunia a quadam nobili foemina nomine Juditha, praedium Seratenriute dictum et cet.

быть опредѣлено съ надежною приближительностію. На пространствѣ довольно длиннаго періода, обнимаемаго вкладною книгою св. Еммерамы, было два аббата Перингеръ; первый носилъ этотъ санъ отъ 1048 по 1064 годъ, второй—отъ 1177 по 1201 годъ. Наша записъ (№ 188) помѣщена среди документовъ Перингера II; нѣсколько ниже (№ 193) находится записъ, относящаяся къ четвертому году его управленія монастыремъ, а это, какъ тамъ показано въ грамотѣ, былъ 1180 годъ. Одинъ изъ свидѣтелей, подписавшихся подъ записью о пожертвованіи кіевскаго Гартвиха, по имени тоже Гартвихъ, Hartvich in porta, встрѣчается много разъ въ другихъ документахъ эпохи Перингера II, именно первоначальныхъ годовъ его управленія. Итакъ, пожертвованіе кіевскаго Гартвиха относится приблизительно къ 1178—1180 годамъ ¹⁾. Любопытно и то обстоятельство, что Гартвихъ жертвовалъ, по видимому, заочно, во всякомъ случаѣ чрезъ посредство другихъ, и что онъ имѣетъ должниковъ среди гражданъ регенсбургскихъ: съ полнымъ правомъ можно догадываться, что долги эти суть долги коммерческіе, происшедшіе отъ того, что чрезъ посредство Гартвиха регенсбургскіе купцы получали изъ Кіева тѣ товары, какіе оттуда можно было получать. Главнымъ образомъ, это были мѣха. Другими посредниками такой торговли были жида, которые въ Регенсбургѣ населяли цѣлый кварталъ, да и въ Кіевѣ были довольно замѣтны. Извѣстно, что по смерти Святополка Изяславича и въ ожиданіи прибытія Владимира Мономаха (1113 г.) Кіевляне, по лѣтописи, уже выразили свое противъ нихъ неудовольствіе разграбленіемъ ихъ дворовъ. Нѣмецкіе купцы и преимущественно евреи были посредниками при передачѣ русскихъ мѣховыхъ товаровъ во Францію ²⁾.

Дальнѣйшія извѣстія о южно-нѣмецкой торговлѣ съ Кіевомъ заключаются въ грамотахъ, данныхъ герцогами Штирин и Австріи;

¹⁾ *Gurwz* (*F. Hirsch*, Jahrbücher des deutschen Reichs unter Heinrich II Berlin 1862 1, 29), пишетъ: Nicht allzulange nach unserer Epoche (1002—1024) hört man von einem Unterthan von St. Emmeram, der sich zu Kiew in kaufmännischen Geschäften zur einer glänzenden Existenz emporgeschwungen.—Неопредѣленныя выраженія объ эпохѣ, когда жилъ достигшій блестящаго положенія регенсбургскій купецъ въ Кіевѣ, могутъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Точное выраженія *Riesler* (*Riesler*, Geschichte Baierns I, 779): in Kiew hatten die Regensburge wohl besondere Handelshäuser; wenigstens begegnet im 12 Jahrhundert ein dort wohnender Unterthan von St. Emmeram, dem Regensburger Bürger Geld schulden.

²⁾ *Pigeonneau*, Histoire du commerce de la France (Paris, 1885) I, 106.

одна изъ нихъ содержитъ торговой уставъ для города Еннса, вторая прямо дана Регенсбургу, но обѣ имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, выгоды купцовъ этого послѣдняго города ¹⁾).

Городъ Еннсъ на Дунаѣ до конца XII вѣка принадлежалъ къ герцогству Штирійскому. Съ раннихъ поръ онъ получилъ отъ государей штапельное право (Stapelrecht), то-есть, право, вынуждающее проѣзжающихъ сквозь или мимо иностранныхъ купцовъ выгружать и раскладывать свои товары на опредѣленное время въ подлежащемъ пунктѣ и предлагать ихъ для покупки мѣстнымъ гражданамъ; съ давнихъ временъ здѣсь существовала ярмарка, на которую пріѣзжали купцы изъ Регенсбурга, Ульма, Ахена, Кельна, изъ Нидерландъ. Маркграфъ Штирін, Оттокаръ V, управлявшій отъ 1129 по 1164 годъ, выдалъ грамоту, опредѣляющую привилегіи ежегодной ярмарки въ Еннсѣ; его сынъ Оттокаръ VI, возведенный въ званіе герцога, въ 1191 году подтвердилъ постановленія своего отца и прибавилъ нѣчто отъ себя. Содержаніе этого послѣдняго документа гласитъ, что Оттокаръ, по просьбѣ гражданъ города Регенсбурга, возобновляетъ всѣ привилегіи въ пользу купцовъ этого послѣдняго города, а также и прочихъ иностранныхъ купцовъ, какія ранѣе были, дарованы его отцомъ. Привилегіи состояли въ слѣдующемъ: Суда которыя приходятъ въ Еннсъ ранѣе кануна Благовѣщенія, могутъ безостановочно плыть далѣе, и тѣ, которыя приходятъ позднеѣ, должны оставаться въ Еннсѣ уже до конца ярмарки, начинавшейся на канунѣ Вознесенья и окончивавшейся на канунѣ Троицына дня; впрочемъ, отъ этихъ задерживаемыхъ судовъ не полагалось требовать никакой пошлины. Суда, нагруженные виномъ и жизненными припасами, могли проходить безпрепятственно до Юрьева дня; позднеѣ онѣ должны были причаливать и оставаться для торга. По окончаніи ярмарки, судовозлеза или судовщики допрашиваемы были графомъ Регенсбурга, (то-есть, особымъ уполномоченнымъ для торго-

---

¹⁾ Грамоты были напечатаны еще въ прошломъ столѣтіи *Шейдомъ*; содержаніе ихъ подробно изложено было у *Курна*, въ Исторіи австрійской торговли; затѣмъ въ новѣйшее время болѣе исправно грамоты изданы *Мейллеромъ*. См. *Origines Guelficae. Ex illustrium virorum G. G. Leibnitii, J. G. Eccardi et J. D. Gruberi schedis manuscriptis elitum curante Ludovico Scheidio. Hanoverae 1752, tom III pag. 30 et 31 (Annotationes). Kurs, Oesterreichs Handel im Mittelalter. Linz, 1822. A. von Meiller, Oesterreichische Stadtrechte und Satzungen aus der Zeit der Babenberger: Archiv für Kunde der oesterreichischen Geschichtsquellen, X (1853) S. 87 und folg.*

внхъ дѣлъ, *Hansgraf*), который временно игралъ роль какъ бы регенбургскаго консула, для защиты правъ и привилегій, для посредничества въ торговыхъ спорахъ между судовщиками и членами магистрата города Еннса (*judices de villa*) о томъ, какіе у нихъ были грузы, и должны были платить отъ каждаго центнера по 12 денаріевъ (пфенинговъ) пошлины или мыта, все одно—состоялъ ли фрахтъ изъ воску, кожъ или какихъ другихъ товаровъ (*tum de sega, tum de cutibus*). Если судьи (*judices*) не могли дать полной вѣры показаніямъ судовщиковъ, то послѣднимъ предоставлялось подтвердить свои показанія присягою. Суда, которыя во время ярмарки привозили хлѣбъ или вино, платили съ каждой мѣры (модія или съ каждой повозки (*cozzada*) по 12 денаріевъ. Если ярмарка кончилась, и торговый графъ (*Hansgraf*) регенбургскій уже уѣхалъ изъ Еннса, то каждая повозка, выгружавшая товары на берегу, платила тоже по 12 денаріевъ, только проѣзжавшая по мосту платила по 10 денаріевъ, независимо отъ рода поклажи. Купецъ, который слѣдовалъ за своимъ возомъ на лошади, освобождался отъ всякой платы, но если онъ самъ по себѣ безъ товаровъ, проѣзжалъ по мосту, то платилъ оболъ (*obulum*). Повозки, идущія изъ Руси, пусть платятъ 12 денаріевъ и затѣмъ не должны быть задерживаемы. Повозки, нагружаемыя въ самомъ Еннсѣ, платятъ 12 денаріевъ ¹⁾. Регенбургцы могутъ безпрепятственно продавать и покупать что угодно на золото и серебро. Купцы Кельна, Мастрихта даютъ герцогу кварту вина, два фунта перцу, пару сапогъ и пару рукавицъ.

Останавливаясь на интересующей насъ статьѣ о русской торговлѣ, мы должны обратить вниманіе на слѣдующіе пункты, изъ нея вытекающіе: 1) Предполагается торговля обоюдная—какъ отпускная, такъ и привозная; говорится не только о караванахъ, приходящихъ изъ Руси, но и отирающихся въ нее. Нельзя думать, что въ Русь идутъ пустыя телеги, чтобы тамъ быть нагруженными русскими товаромъ; въ такомъ случаѣ не было бы основанія брать съ нихъ обычную товарную таможенную пошлину. 2) Телеги эти приходятъ и уходятъ не во время ярмарки въ Еннсѣ, но въ ея терминовъ въ неопредѣленные сроки въ теченіе года. 3) Льготныя условія, даруемыя русской торговлѣ, очевидно, имѣютъ въ виду регенбургскихъ купцовъ, которые собственно и выхлопотали грамоту. Совершенно ясно указано,

¹⁾ *Plaustra in Rusiam ud de Rusia tendentia XVI, denarios persolvant, nec retineri debent. Plaustra, quae in ipsa urbe onerantur, XII denarios persolvant.*

что приходящія въ Енинсъ русскіе и назначаемыя для Руси товары не здѣсь нагружаются, не отсюда отправляются и даже не останавливаются тутъ, имѣютъ другой пунктъ исхода, какой и другой пунктъ назначенія. Регенсбургъ является центральнымъ пунктомъ торговыхъ связей съ Кіевомъ. Не ясно только одно, принадлежали ли нѣтъ регенсбургцамъ какъ идущія отъ нихъ въ Кіевъ повозки, такъ равно и приходящія къ нимъ изъ Кіева. На основаніи древнѣйшихъ прецедентовъ можно было бы думать, что и сами Русскіе могли проѣзжать черезъ Енинсъ, направляясь къ Дунаю, къ Регенсбургу, но по видимому, дѣло было иначе: регенсбургскіе купцы ѣздили туда и обратно, а Русь вела только пассивную торговлю. Это видно изъ другой грамоты, данной въ слѣдующемъ 1192 году для тѣхъ же самыхъ гражданъ Регенсбурга, ведущихъ иностранную торговлю черезъ Австрію.

Эту вторую грамоту Регенсбургъ получилъ отъ герцога Леопольда Добродѣтельнаго, которому теперь достались и Штирія съ городомъ Енинсомъ. Леопольдъ былъ особенно расположенъ въ пользу регенсбургской купеческой общины и понизилъ платимыя до сихъ поръ регенсбургскими купцами мытныя пошлины. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ своей грамотѣ принимаетъ мѣры къ защитѣ купцовъ противъ различныхъ притѣсненій и вымогательствъ, какія позволяли себѣ его чиновники; для этой цѣли съ точностію опредѣляются виру и пени, какія могутъ взыскивать судьи за всяческія преступленія и проступки иностранныхъ купцовъ, совершенныя въ австрійскихъ предѣлахъ. И по отношенію къ торговлѣ документъ включаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ пунктовъ, достойныхъ вниманія. Герцогъ позволилъ регенсбургцамъ въ его собственныхъ владѣніяхъ свободную и неограниченную торговлю золотомъ, мѣхами и кожами, всяческими товарами; только торговля серебромъ, то-есть, собственно покупка онаго, была воспрещена—по той, конечно, причинѣ, что герцогъ нуждался въ серебрѣ для собственной монеты, золотой же онъ не могъ чеканить. Далѣе въ документѣ упоминаются ткани (*vestimenta*), ввозимыя въ Австрію изъ Кельна; съ воза, который называется *Wagenwant*, взыскивается три фунта (*talenta*) пошлины, со ста кожъ давали 50 денаріевъ. Въ Вѣнѣ и другихъ австрійскихъ городахъ (*Melk, Pöltten, Tuln*) со ввозимыхъ товаровъ, между коими названы олово, мѣдь, сельди, вносится опредѣленная таможенная пошлина. Купцамъ дается свободно ввозить товары въ Австрію водою или сушей. Руваринъ, въ какое бы время ни приходили, уплачиваютъ два фунта (*talenta*),

а при возвращеніи изъ Руси полфунта; они должны давать 12 денаріевъ, если по пути захотятъ войти въ какой-нибудь городъ или мѣсто, гдѣ есть рынокъ ¹⁾). Въ этой грамотѣ обращаетъ на себя вниманіе слово „рузарій“: оно употребляется въ качествѣ термина, напоминающаго гречниковъ русской лѣтописи. Въ Регенсбургѣ существуетъ цѣлый классъ людей, цѣлая корпорація, обозначаемая такимъ выраженіемъ; главная пошлина съ купцовъ этой, очевидно, официально признанной категоріи взимается при отправленіи съ мѣста; предполагается, что сами регенсбургцы отправляются за товарами и сами же привозятъ ихъ, уплачивая при возвращеніи таможенную пошлину уже въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Главнымъ предметомъ, который рузаріи вывозили изъ Кіева какъ прежде, такъ и теперь основались, конечно, мѣха и звѣриныя шкуры; но есть основанія думать, что тѣмъ же путемъ, именно черезъ Кіевъ, шли въ южную Германію и греческіе товары, прежде всего различныя дорогія матеріи, шелковыя ткани, а затѣмъ вина и проч. Правда, что для этого существовалъ и другой путь, которому прежде придавали чрезвычайно большое значеніе, а теперь стали отбрасывать въ какой бы то ни было важности. Мы разумѣемъ прямой сухопутный путь изъ Константинополя къ Дунаю. Пржеііе исследователи, занимавшіеся исторіей торговли, представляли себѣ дѣло такъ, что до XIII вѣка, до эпохи преобладанія венеціанской и генуэзской торговли, всѣ необходимыя для ежедневнаго обихода продукты востока (пряности и коренья), равно какъ и предметы роскоши, приготовляемые на фабрикахъ византійскихъ, Германія получала по Дунаю сначала черезъ Лорхъ, потомъ чрезъ Регенсбургъ, и что отсюда, изъ дунайской долины, шли главныя торговныя линіи въ области Везера и Эльбы, чрезъ Аугсбургъ и Ульмъ, по Майну и Неккару, во Франкфуртъ (на Майнѣ и далѣе на западъ на знаменитыя ярмарки въ Сенъ-Дени и Труа во Франціи, и что съ другой стороны, купцы Майнца и Кельна, посѣщавшіе въ XII вѣкѣ Регенсбургъ и Енинсъ, запасались тамъ тѣми же самыми товарами, идущими съ береговъ Босфора, и что, когда вслѣдствіе тѣхъ или другихъ народныхъ движеній, какъ напримѣръ, въ началѣ X вѣка вслѣдствіе мадьярскаго нашествія, этотъ путь

¹⁾ *Busarii*, quocumque tempore vadant duo talenta soluant, et in reditu ex *Busis* dimidium talentum; duodecim denarios dabunt, ubicumque uelint intrare. (V. Meiller: Archiv für Kunde oesterr. Geschichtequ. X, 95).

былъ преграждаемъ, то назначасмыя для Германіи восточныя произведенія направлялись черезъ Кіевъ и Новгородъ къ Балтійскому морю, либо чрезъ Бреславль для внутреннихъ германскихъ рынковъ¹⁾. Но въ новѣйшемъ капитальномъ трудѣ по исторіи левантской торговли въ среднихъ вѣкахъ доказывается, что нѣтъ никакихъ твердыхъ данныхъ въ пользу предположенія о болѣе прямыхъ сухопутныхъ торговыхъ сношеніяхъ между бассейномъ Дуная и Константинополемъ чрезъ Болгарію и Угрію, и что не только въ XIII столѣтіи, когда основана была нѣмецкая контора въ Венеціи (*Fondaco del Tedesco*), и когда сами венеціанцы стали посѣщать рынки Регенсбурга и Нюрнбурга, но и ранѣе того посредниками между Византіей и южною Германіей были тѣ же италіянцы²⁾. Мы имѣемъ возможность привести съ своей стороны два довольно вѣскія свидѣтельства въ защиту стараго мнѣнія о существованіи торговыхъ связей между среднимъ Дунаемъ и Босфоромъ. Гейду и при новой (французской) обработкѣ его сочиненія осталось, очевидно, неизвѣстнымъ любопытное показаніе еврейскаго купца, путешественника Ибрагим-ибн-Якуба, приведенное нами выше, въ которомъ сообщается, что византійскіе миткали привозились въ Прагу изъ страны тюрковъ, то-есть, какъ видно по связи, изъ страны Мадьяръ евреями и мусульманами: подъ мусульманами въ данномъ мѣстѣ могутъ разумѣться извѣстные Хвалисы венгерскіе, о которыхъ византійскій писатель XII вѣка, Киннамъ, говоритъ, что они исповѣдывали одну вѣру съ турками-сельджуками, или что то же, Кализы (*Caliz*), упоминаемые непрерывно въ венгерскихъ источникахъ въ 970 году, именуемые также намаилътанями и въ самомъ дѣлѣ, подобно волжскимъ болгарамъ, исповѣдывавшіе магометанство ганефидскаго толка: предполагается, что они переселились съ Волги послѣ разрушенія Болгарскаго царства русскими; но конечно, они могли послѣдовать за Мадьярами и ранѣе того³⁾. Кромѣ этого свидѣтельства, относящагося къ X вѣку, Гейдъ упу-

¹⁾ См. напримѣръ, *Kieselbach*, *Der Gang des Welthandels* (Stutthardt, 1860) стр. 39, 40, 55, 228.

²⁾ *Heyd*, *Geschichte des Levanthandels im Mittelalter* (Stuttgart, 1879) II, 717, 718. Ср. *Heyd*, *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, édition française refondue et considérablement augmentée par l'auteur, publiée par *Raynaud* (Leipzig, 1886) II, p. 730, 781.

³⁾ *Cinnam.* pag. 247 (ed. Bonn.). Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (pag. 107) о тѣхъ же Хвалисахъ онъ говоритъ, что они слѣдуютъ Моисееву закону, хотя соблюдаютъ его не въ полной его чистотѣ: можно было бы думать о керангахъ,

стиль изъ виду и другое, находящееся въ одномъ византийскомъ литературномъ произведеніи XII вѣка, въ которомъ весьма ярко и живо описывается солунская ярмарка, ежегодно отправляемая въ день св. Дмитрія. Тамъ говорится, что на эту ярмарку стекались не только туземцы, не только греки изъ всѣхъ областей имперіи, но также разныя племена мисовъ (болгаръ), живущихъ до Дуная и скинской земли, италянцы, испанцы, лузитаны (португальцы) и кельты по ту сторону Альпъ: подъ кельтами, по византийскому словоупотребленію, слѣдуетъ разумѣть нѣмцевъ. Да если понимать слова византийца въ точномъ буквальномъ смыслѣ, то и сѣверныя области Чернаго моря, отправлявшія свои товары въ Царьградъ (моремъ), на эту солунскую ярмарку высылали своихъ представителей сухимъ путемъ— на лошадяхъ и вьючныхъ животныхъ ¹⁾. Итакъ, нельзя оспаривать возможности прямой торговли среднедунайскихъ областей Германіи съ Византіей; равно какъ нѣтъ, съ другой стороны, причинъ отвергать того, что византийскіе продукты могли быть доставляемы въ Регенсбургъ и далѣе вмѣстѣ съ русскими товарами изъ Кіева тѣми же самыми нашими рузаріями. Въ пользу послѣдняго положенія говорятъ позднѣйшія аналогіи, которыя здѣсь не лишнее указать ²⁾. Когда италянцы въ XIII вѣкѣ основали складочныя торговые пункты для восточныхъ и сѣверныхъ товаровъ въ Кафѣ и Танѣ (при устьяхъ Дона, на мѣстѣ древняго Танаиса), то возникла известная торговая связь между этими городами и Германіей; но только товары шли не чрезъ ганзейскую контору въ Новгородъ, какъ можно было подумать: товары, назначаемые для Германіи, никогда не были направляемы этимъ путемъ; напротивъ того они избирали торговый путь Кафы и Тани на Львовъ (Lemberg) въ Галиціи, тотъ же самый путь, который иногда предпочитали курьеры, военные служилые люди и колоніальные чиновники, долженствующіе отправиться изъ Генуи въ Кафу, особенно когда морской путь былъ запертъ

еслибы другое показаніе—о мусульманствѣ Хвалисовъ—не сходилое болѣе съ другими данными. Ср. о Хвалисахъ въ статьѣ А. А. Буника—*Ученыя записки Акад. Наукъ*, т. III, стр. 137.

¹⁾ Τιμαρίων ἢ περὶ τῶν κατ'αὐτὸν παθημάτων: *Ellissen, Analecten der mittell-griechischen Literatur* (Leipzig, 1860) IV p., 46, 47. (cap. 5 6). Συρρεῖ γὰρ ἐπ' αὐτήν—Μουσῶν τῶν παροικούντων γένη παντοδραπῆ Ἰστροῦ μέχρι καὶ Σκοθιχῆς—καὶ Κελτῶν τῶν ἐπέκεινα Ἀλπεῶν.

²⁾ То, что слѣдуетъ, заимствовано у Гейда: *Geschichte des Levanthandels II 719—édition française II, 730. 731.*

Турками. Относительно Львова знаменитая каталанская морская карта, произведеніе XIV столѣтія, содержитъ въ себѣ замѣтку, что сюда приходили иногда купцы съ востока и продолжали отсюда свой путь далѣе по направленію къ Фландріи чрезъ Балтійское море. Къ тому же самому періоду относится указаніе, заключающееся въ замѣткахъ, писанныхъ для себя однимъ нюрнбергскимъ купцомъ (Ulman Stroger), что купцы нюрнбергскіе получали товары изъ приазовской Таны чрезъ русскій городъ Львовъ (Leupbirk). Къ началу XV вѣка относится извѣстіе, что купцы изъ города Бреслава, отправляясь въ страны Татаръ и Волоховъ, то же проѣзжали черезъ Львовъ. Наконецъ здѣсь же пролегала и такъ называемая; „татарская дорога“ (via tartarica) Поляковъ...¹⁾. Гейдъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, не безъ основанія полагаетъ, что промежуточною станціей отъ Таны до Львова былъ городъ Аккерманъ (Маврокастро, Бѣлгородъ), до котораго путь шелъ моремъ, а отсюда вверхъ по Днѣстру: по крайней мѣрѣ этою дорогою, только на оборотъ, совершали свои путешествія въ Іерусалимъ европейскіе евреи. Если такъ, то понятно, какимъ образомъ италіанскія колоніи могли содѣйствовать упадку кievской торговли не зависимо отъ татарскаго погрома 1240 года. Не только греческіе товары, но и русскіе направлялись теперь въ Крымъ и Тану и распространялись отсюда далѣе, минуя Кіевъ. Что же касается собственно Львова, то нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи о древнѣйшемъ значеніи этого пункта и для эпохи кievско-регенсбургской торговли.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить нѣсколько данныхъ, хотя имѣющихъ только косвенное отношеніе къ нашей темѣ, но не лишенныхъ интереса, а между тѣмъ, сколько мы знаемъ, не замѣченныхъ другими изслѣдователями. Они касаются тоже русской торговли, но только не съ городами южной Германіи, а съ Угріей и Византіей.

Къ самому концу XII вѣка относится жалованная грамота Угорскаго короля Емерика Остригомскому монастырю, въ которой капитулу этой церкви совокупно съ другимъ женскимъ монастыремъ дается право митной десятины съ купцовъ, проѣзжающихъ въ сѣверной Венгріи. Документъ содержитъ въ себѣ подробный тарифъ пошлинъ, взимаемыхъ съ разнаго рода товаровъ; но на первомъ мѣстѣ стоятъ купцы, приходящіе изъ Руси въ Пешть, Остригомъ или въ другія мѣста, кото-

¹⁾ Monum. Hungar. historica. Acta extera, III, 314 и сл. 407 и сл.

рне платять съ одного коня полмарки, равно какъ и тѣ, которые привозять дорогіе мѣха; при этомъ въ началѣ замѣчено, что новая жалованная грамота повторяетъ и подтверждаетъ привилегіи, содѣржавшіяся въ старинныхъ документахъ ¹⁾.

Въ 1211 году относится опись имѣній, пожертвованныхъ въ разное время и разными лицами церкви въ Лелешѣ ²⁾. Одинъ изъ усердныхъ дарителей записалъ въ пользу этой церкви имѣніе Залуку, купленное имъ за 82 марки у купцовъ, приходящихъ изъ Руси, а имъ оно досталось по судебному приговору, такъ какъ крестьяне означеннаго села были уличены въ грабительскомъ нападеніи на этихъ купцовъ и въ похищеніи ихъ товаровъ ³⁾.

Въ исторіи русской отпускной торговли, какъ извѣстно, играетъ важную роль моржевая кость, именуемая въ памятникахъ рыбьими зубами. Изъ любопытной, но мало извѣстной, хотя довольно давно изданной перениски византійскаго ученаго и литератора XII вѣка, Іоанна Тцетцеса, мы узнаемъ, что русскіе не только отпускали этотъ продуктъ сѣвера въ необработанномъ видѣ, но славились своимъ умѣньемъ готовить изъ него нѣкоторыя подѣлки. Тцетцесъ получилъ отъ своего близкаго друга, митрополита города Дерстра (Силистрии) въ подарокъ мальчика, по имени (В)сеголода (Σεβλόδο), и какую-то руссковыточенную коробочку или ящичекъ, могущую служить чернильницей: она была сдѣлана изъ рыбьей кости и украшена была столь великолѣпною рѣзбою, что напоминала ученому византійцу мудрѣя хитрости Дедала ⁴⁾.

¹⁾ *Feier*, Codex diplomaticus Hungariae tom VII, vol. 5, pag. 143 (№ 76). Zaglavie: Rerum mercimonialium species, aestimationes, tariffae. Anno 1198.— Item sicut in antiquis instrumentis — ac libris Etrigoniens. Capituli vidimus.... Praeposito et Capitulo Strigoniensis ecclesiae et religiosis Dominabus Abbatissae et Sanctimonialibus Beatae Virginis de Insula strigoniensi tributa solito more debentur.... mercator autem de Ruscia veniens, unius equi sine in Pest, sine Strigonii, sine alibi descendat, et similiter hi, qui pelles deferunt caras, solvant dimidiam marcam.

²⁾ *Ibid.*, pag. 204, № 99: Praepositurae de Lelesz fundationalium quoad metas et conditionarios supplementum. Anno 1211.

³⁾ Pag. 208. Praedium etiam Zaluka nomine contulit cum libero foro, quod tempore regis Emerici emerat, totaliter cum habitatoribus et terra, pro octuaginta duabus marcis, a quibusdam mercatoribus de Ruscia venientibus, qui in presencia Egidii curialis comitis, rusticis predictae ville super spoliatione rerum suarum in Budensi ecclesia ferri iudicio convicerant...

⁴⁾ Tzetzae Epistolae, ed. Th. Pressel. Tubing. 1851. № 80 (Τῷ ἀγιολάτῳ μητροπολίτῃ Δρίστρας)... καὶ τὸ ταυρογλυφῆς, εἰ δὲ βούλει ῥωσογλυφῆς μελίνδοχρον ἐκείνο

Въ числѣ мѣховныхъ товаровъ, отправляемыхъ въ Кафу уже въ татарское время, нерѣдко упоминаются заячьи шкуры. Древнѣйшее указаніе на такой предметъ русскаго отпуски, по видимому, находится въ перепискѣ знаменитаго Михаила Акомината изъ Хонъ, митрополита Аѳонскаго, роднаго брата историку Никитѣ Хонскому (Хоніату). Вслѣдствіе латинскаго нашествія (1204 г.) принужденный покинуть свою паству и свой престолъ, скитаясь по островамъ Архипелага, страдая отъ горя, старости и болѣзней, достойный архипастырь въ одномъ письмѣ къ Никейскому императору Θεόδору Ласкарию обращался съ повѣстью о своихъ бѣдствіяхъ и съ просьбой о присылкѣ лѣкарствъ, а въ числѣ ихъ — бѣлаго зайца: его шкура считалась, какъ видно, и тогда полезнымъ лечебнымъ средствомъ противъ ревматизма, которому былъ подверженъ престарѣлый Аѳонскій митрополитъ, и вѣроятно, также мало помогала, какъ и теперь. „Если ты мнѣ еще пришлешь и бѣлаго зайца“, писалъ Михаилъ Акоминатъ, — „какихъ Россія доставляетъ въ Великій градъ (Константинополь), то подашь мнѣ большую помощь, ибо врачи говорятъ, что она (заячья шкура) отлично согрѣваетъ“¹⁾.

В. Васильевскій.

κοξίβιον φ̄ ἐξ ὀστέου ἰχθύος ὑπὲρ τὰ Δαιδάλου θρωλλοόμενα χειρουργήματα, ἀφ' αὐτὸν τι κάλλος ἐνετετόρευτο. Самъ же Тцетцесъ потрудился разъяснить намъ значеніе слова „русомыточенный“, ῥωσογλυφός, и притомъ въ стихахъ, такъ какъ онъ полагалъ, что неудобопонятная проза всего лучше можетъ быть разъяснена стихами. См. Chilian. XI v. 879 и сл. pag. 435 (ed. Kiessling, p. Lips. 1826). Смыслъ разъясненія такой: слово тавры по гречески означаютъ не только быковъ, но и одинъ народъ скинскій; а такъ какъ выраженіе не совсемъ ясно, то я указалъ на то, что таврами называется Русь (ταύρους τοὺς Ῥῶς καλεῖσθαι), посредствомъ означеннаго оборота ταυρογλυφός, ῥωσογλυφός δ' εἰ βούλει.

¹⁾ Μιχαὴλ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα ὑπὸ Λαμπροῦ (Ἀθῆν. 1880) II, 356. Εἰ δὲ καὶ λαγῶν λευκῶν, ὁποῖους ἡ Ῥωσία καταγεῖ εἰς τὴν μεγαλόπολιν, σὺν τῇ θυριακῇ ἀποστείλῃς μοι..... μέγα ἂν βοήθημα ἐπορέξῃς μοι.